

Глеб Савченков

Белый смех

18+

© 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100

Глеб Владимирович Савченков

Белый смех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70317649

SelfPub; 2024

Аннотация

Бывший студент Николай, ведет свою скучную, надоевшую ему жизнь. Но, приняв последнюю попытку на счастье, он пригласил к себе своего друга Пэпэ, на важный разговор, в ходе которого решится их судьба.

Глеб Савченков

Белый смех

Белый снег, серый дым, плавно гаснет экран

Грустных клерков в понедельник раскидал по местам...

Murda Killa

Дверной звонок, его пошлая мелодия, ранним утром, еще никого не делала настолько счастливым, как Колю. Стремительно открыв дверь, с полной уверенностью в том, что в это время, по другую сторону мазонитового барьера, мог стоять лишь один человек.

Пэпэ никогда не баловал людей изысками во внешности. Рыжие волосы, если когда -то и были его визитной карточкой, то она потеряла в своей актуальности, а номер на ней не обслуживается уже пару лет.

Уши, постоянно свернутые в трубочку, как у бесхозной дворняги, нос, искусственно принявший истинный греческий профиль, губы, представляющие собой поле боя, между ними и зубами. Только глаза еще оставляли в себе будоражащий дух веселья, затемняющий другие недуги. И сейчас, в стойке черта из табакерки, он стоял на пороге у Коли.

– Принес?

– Доброе утро, – пытаюсь, сгладить утреннюю невежли-

вость, ответил Пэпэ, – целый рюкзак, для экспресс-погружения! Вот она – моя субмаринка! – Похлопал по рюкзаку Пэпэ.

– Придурок. Не свети в подъезде. Заходи скорее.

Пэпэ был в этой квартире второй раз, обстановка в общем не отличалась от его собственной, поэтому атмосфера его не смущала, предметы из прошлой студенческой жизни, которые, как считал Коля, могли бы скрасить уныние интерьера, не возымели на гостя никакого эффекта. Полки, донельзя забитые книгами, уж очень пыльными для регулярного чтения, висели, как замшелые ордена, героя забытой войны, старые грамоты и медали, полученные незнамо где и от кого, желтые шторы с рынка, как и в прошлый раз были занавешены, контролируя входящий свет, все это, наводило бы тоску, если бы внешний вид хозяина и так не кричал бы о ней любому, кто мог бы его увидеть.

Старый красный диван, на которой предложил ему сесть Коля, вызывал эмоции из детства, когда, живя в деревне, Пэпэ, после работы в поле и ухаживанием за немощным дедушкой, частенько, плюхался на схожее по состоянию ложе, представляя себя в мягком, ватном облаке.

Только стоящие на кухне тазы с иконами в них, мельком замеченные Пэпой, могли бы его смутить, если бы хозяин решил устроить экскурсию по своему жилищу. Однако, на данный момент, их предназначение было скрыто от него, хотя, и не мало будоражило его воображение.

– Так. С чего начнем? – Коля старался проявлять сдержанность, но получалось сохранять ее только внешне.

– Ну, вчера ты говорил, что еще не пробовал, я и сам то, не разбираюсь, обычно на что денег хватало то и брал, но с твоим подгоном, разгонимся мы не слабо! Думаю, начнем с травы. – Пэпэ раскопал у себя в рюкзаке пакетик с содержимым цвета хаки и бросил на стол. – В этом деле главное начать, а дальше, и за уши не оторвать! – Копаясь в рюкзаке, Пэпэ вынул из него металлическую коробочку, в которой что-то озорно звенело.

– А это что за коробочка? Трубки какие-то или еще какая-нибудь фурнитура?

– А, это! Это всем коробкам коробочка! Но это потом, если все будет здорово, то и она в ход пойдет. – Отодвинув коробочку к краю стола, проговорил Пэпэ.

– Хорошо, тогда давай траву.

Без сдерживающего сомнения, Пэпэ вынул из бокового кармана рюкзака пару листов А4, расчехлил пакет с травой и принялся резво закручивать ее в бумагу. По его небрежным, но легким движениям, Коля догадался, что для него это не в первый раз и пару десятков косяков, уже было произведено его надежными руками. Когда с приготовлением было закончено, Пэпэ вынул из кармана куртки пластмассовую зажигалку “Cricket”, ярко-лилового цвета, с потертостями по всей площади, и протянул соседу косяк, переполненный травкой.

– Держи тогда, так сказать, голубец из травы! – Весело

сказал Пэпэ. – В принципе, делай тоже, что и с обычной сигаретой и не торопись опустошать дышалку.

– Хорошо. – Коля взял косяк и закурил, подкрепляя свои действия воспоминаниями о студенческой курилке.

– Хорошо тебе будет сейчас! – Внезапным смехом, ответил Пэпэ.

В первые секунды, шмаль совсем не оправдывала своего запретного антуража, который сам порождался в медиа и по слухам, так называемых “Деклассированных элементов”, чувства были, как от деревенской махорки, закрученной далеко не детскими ручками. Из материалов, с которыми Коля знакомился днем ранее, он знал, что обладает низкой толерантностью к наркотикам, всасывающимся через легкие, как в принципе и к другим видам всасывания, так что, он был в ожидании скорого эффекта.

А он и не заставил себя долго ждать. Спустя пятнадцать минут, тетрагидроканнабинол, жадно захватывая свое место среди эритроцитов, и прочих содержащихся в коле частиц, постепенно подчинял их своей воле, гоняя их по телу владельца. Поезд кайфа стремглав мчался по венам, конечная станция которого – мозг Коли.

– Ну как?

– Что...?

– Как ощущения спрашиваю.

– А... Сложно сказать, чувствую спокойствие.

– Ну ты шкет, совсем пупс еще, конечно, – с пришедшей

улыбкой сказал Пэпэ, – ну давай, рассказывай, как что, давно мне не приходилось быть мамочкой.

– Мамочка..., – с вырывающимся смехом откуда-то из глубины живота, выбросил Коля, – смешное слово. Чувствую я Пэпэ, стало все ясно.

– Что все?

– Вообще все, почему ты сюда пришел, почему сегодня, да и вообще.

– Ну так ты сам позвал.

– Да-да. А ты сам откуда то, Пэпэ?

– Ну, из города N.

– Я тогда, ревизором твоим буду.

– Кем?

– Проверщиком, Пэпэ, проверю все на себе сегодня.

– Ну, ты главное не торопись, под этим делом столько ребят хороших закончилось, тут же надо с умом подходить, размеренно, как с женщиной

– Женщины... – Промычал расслабленным голосом Коля. – Женщины это... это ведь прекрасно!

– Ты, как всегда, умные мысли, это... говоришь, короче. Во, в тему, была у меня одна недавно, Олей звали, Олечка моя. Там такие ноги были, ты бы видел, просто взять бы их, ну, и бесцеремонно в косяк завернуть.

– Хорошо сказал! – Неестественный и несвойственный Коле смех не собирался останавливаться, только набирая обороты. – Я в женщинах ноги тоже люблю, но все-таки, ка-

кие ноги не были бы, милого личика они не переступят!

– И такое есть, но знаешь, как бывает, лицо уже и неважным становится, когда дело начинается. Ладно, как-то меня отпускает, поищу еще че.

– Давай да...

Пэпэ снова полез в свой рюкзак. Трясущимися руками, будучи полностью поглощенным веселящим содержимым, он не обращал внимания, на то, что Колю совсем не отпустило, его пик находился еще далеко. Но так ли это важно, когда в руках у Пэпэ оказался маленький пакетик с таблетками самых разных цветов. Он потряс им перед лицом Коли, как бы дразня его, тем, что может доставать такое для себя постоянно. Открыв его, он достал две для себя, и одну передал Коле.

– Давай мне тоже две! Или ты думаешь, ТЫ лучше меня? – Сменив улыбку, на оскал крикнул Коля.

– Да ладно, типо, ну, у меня еще весь пакетик на завтра, можешь две брать.

Пэпэ передал Коле вторую таблетку, сам, положив две на язык. У коли в руках оказалось два цветных диска, зеленый и желтый, всего лишь две маленький цветные точки на огромной ладони, но для него их цвет был гораздо ярче, чем любой зеленый и желтый, что он видел раньше. Они поглощали собой его взгляд, словно не было никакой комнаты, никакого Пэпэ, даже никакой ладони, держащей их. Только два огонька, приманивающие к себе все сильнее и сильнее. Улыбнув-

шись, Коля закинул их в свой, покрасневший от дыма, рот
– Молодец! Прямо так и закинул! – Издал легкий смешок Пэпэ. – Ну, тут не долго, тут сработает быстро, да и эффект по интереснее будет, бошка вообще отлетит, поверь мне!

– Тебе же не привыкать, а?

– Что? Да нет, вроде на месте. – Пэпэ раздраженно потрогал себя за голову. – Или тебя все уже? Накрыло? Да, да?

– А ощущение какие должны быть то? Может и накрыло.

– Ощущения это ты когда траву трогаешь, а тут, ме-та-фор-мич-но выражаясь, ты смотреть на траву будешь.

– Мета... ме-та-фо-рич-но же, нет? – Неуверенно исправил его Коля.

– Тебе виднее братик, ты главное глаза не закрывай и не дергайся особо, такие виражи начаться могут, любой Балу позавидует!

– Хорошо.

Развезло Колю быстро, может таблетки смешались с увядающим эффектом природных допингов, может сыграла нулевая толерантность к эйфоретикам, все-таки, жизнь Николай проживал исконно русскую – без эйфории.

Руки Коли начали непрерывно чертить в воздухе, то треугольник, то квадрат, зубами он выдавал настолько ритмичную трель, что вполне мог сойти за метроном. Сфокусировать взгляд на чем-нибудь, было для него невыполнимой задачей, довольствуясь разжиженной фигурой Пэпэ. он прекратил свои усилия.

– Слушай, Сашка Шульгин, а ты откуда вообще берешь это все? – Сбивчиво спросил Коля. – Шульга? А ты откуда ее знаешь? Ты че, типо, тоже в 67-ой школе учился? – Экстази дало о себя знать и для Пэпэ, не дождавшись ответа, он продолжил. – Хорошая девушка была, Танька Шульга. Помню пришла она, как-то, в вечернем платье, на чет, типо, концерт у нас был, по всем правилам, в зале для физры. Ох, красивая она тогда была, в параллели училась, соответственно, пути наши не пересекались.

– Усмехнулся Пэпэ. – Что...? Школа? Ты, что, у школьников таблетки берешь. – Пропустив половину рассказа, озадачено спросил Коля.

– Ну, бывает, ща дети такие, что уже и не дети давно!

– Диванчик, мой диванчик. – На мотив “Дорогой”, начал мычать Коля. – Мне же реферат по Аброхзаму Маслоу завтра сдавать, пора собираться, пора Пэпэ.

– Какой реферат, Коля? – Испугался Пэпэ. – Тебя отчислили лет 6 тому назад, ты ж, сам рассказывал, забыл, что ли?

– Забыл.

– Или Забил! – Пошутил, и не забыл, посмеяться Пэпэ. – Ты давай, контроль держи, – Пэпэ похлопал по рюкзаку, – у нас тут еще самое интересное!

– Интересно тебе, падаль!? – Неудержима кусая язык, пробубнил Коля. – Сейчас я тебя заинтересую, так заинтересую.

Коля быстро встал. Гиперреактивность таблеток давала о

себе знать, одной рукой отталкивая Пэпэ, и без того, еле стоящего на ногах, другой схватив рюкзак, он подбежал к окну. Не успел Пэпэ опомниться, как неожиданный свежий воздух начал проникать в комнату, она же, ни в жизнь, такого не ожидая, начала, словно, вычихивая из себя всю пыль, здороветь. В открытом же окне. лежа на подоконнике пупком, Коля, крича: “Радуйтесь!”, “Радуйтесь!”, “Интересуйтесь!” – вытряхивал содержимое рюкзака на прохожих. Закончив, и выбросив сам рюкзак ко всей “радости”, Коля, пошатываясь, стоял у окна, смотря в лицо Пэпэ, на котором неистовал спектр эмоций, точнее одной эмоции – гнева, во всех его неуловимых оттенках.

– Ты че сделал, сволочь? Ты знаешь скока там? – Держась за голову, кричал в пустое лицо Коли, Пэпэ. – Вот реально, имей дело после этого с учеными, епта. Не ты бы платил Коля, я бы тебя туда же отправил, чесс слово. – Пэпэ почти успокоился. но разошелся по новой. – Нет, ну, ну, я не понимаю, реально. Типо, ну не хочешь ты больше, зачем выкидывать то? Я бы типо, потом продал все, деньги бы попилили, ну Коля, кто так делает то?

– А нечего жадничать. – Изображая ребенка-безобразника, кричал Коля. – Я хочу, чтобы все, все люди вокруг, стали такими же счастливыми, как мы с тобой, Пэпэ. Неужели, в тебе нет даже толики альтруизма? Ты пойми, люди на улице, каждый день, просто ходят на свои скучные работы, заботятся о своих скучных детях и скучных родителях, а мы,

мы с тобой, мы первооткрыватели! Мы первопроходцы! Мы раздвигаем грани дозволенного и недозволенного! Мы будущее! Мы! Именно мы – новая русская элита!

– Ты, ну, наше будущее, ща в окно выкинул, че сейчас делать то? Отходняк я ловить вообще не хочу.

– Так, вон же, – указал пальцем на железные ларец Коля, – твоя секретная коробочка, с “чем-то интересным”.

– Ну, ты прям уверен? Типо там вообще не для детей штука.

– Давай на стол! Подавайте, месье! – Сказал Коля, и ринулся вернуться на, уже ждущий его, пролежень в диване.

Металлическая коробочка, отражая, внезапно ворвавшийся свет из окна, игриво блестела, привлекая к себе парней. Со-скальзывая от пота, пальцы Пэпэ, терпели неудачи в открытии крышки, но после, четвертой попытки, использовав ногти, зачастую, обделенные вниманием, он все же открыл ее. Пэпэ сглотнул. Пусть, он и знал, что в ней, пусть и сам принес ее, но, чувства первобытного страха перед диким зверем или напротив, трепет перед прекрасным неизвестным, не давали его рукам проникнуть в коробку.

– Рожай уже! – Потеряв терпение, вскрикнул Коля.

Подчинившись, Пэпэ вынул из коробочки пакетик с белоснежной песчаной субстанцией, пару нейлоновых ремешков, какими привязывают сумасшедших в желтых домах, две пластиковые трубочки, с расчерченной по миллилитрам линейкой, ложку, цвета той же коробочки, а зажигалка, уже са-

ма прыгнула к нему в руки из кармана. Округлившись, глаза Коли, пристально вглядывались в шприцы. Он не боялся уколов или вида крови, не боялся СПИДа, сейчас он уже ничего не боялся в принципе. Только из остатков чего-то эфемерно интеллигентного, Коля на месте не высунул язык, и не истек слюной.

Пэпэ решил сделать все быстро, сохранив тишину, процесс требовал. Держа в одной руке свой “Cricket”, в другой ложку, с уже, насыпанной в нее порошком, он поднес ложку к огню. Схватилось все быстро, порошок, тошнотворно пузырясь и причмокивая, менял свое агрегатное состояние, постепенно, начиная плескаться в ложке, как младенец в бассейне.

Наполнив оба шприца, Пэпэ надел на их окончания тонкие иглы. Мельком, Коля заметил, что на одной из них явно было пятно, своим цветом, напоминающее цвет волос его друга, но колористика мало его сейчас волновала. Словно в трансе, он сел рядом с Пэпэ, и ждал от него указаний. Тут уже, его студенческий опыт с курилок не поможет, тут нужен был человек, который ни раз грел ложки. Пэпэ взял один из ремней и с усилием перетянул свою руку, чуть ниже локтя. Так же поступил и Коля, но, будучи, не до конца уверенным в том, насколько сильно нужно его затянуть, приложил максимум своих усилий.

– Коля, ты готов? – Спросил Пэпэ. – Это хотя бы в окно не выкидывай, типо, без этого совсем голяк будет, понимаешь?

– Понимаю.

– Тогда поехали. что-ли...

Пэпэ начал рассматривать и ощупывать свою руку, ища подходящую вену. Дело было нелегким, из-за частых подобных поисков, привычные темно-синие ручейки, у него были высохшими. Но вот она, заветная, бурная река Нил, единственная надежда среди пустоши и именно туда, Пэпэ направил иглу. Проткнув мягкую кожу, постепенно надавливая на шприц, Пэпэ ощущал заветный поток тепла, вальяжно распространяющийся по его кровеносной системе и предвещающий собой новые удовольствия.

Зная, что скоро он будет не в состоянии “позаботится” и о Коле, Пэпэ, немедля, вколол шприц и в него, благо, подходящую вену искать долго не нужно было.

Коля не чувствовал ничего, кроме разъяренного чувства исследователя чего-то трансцендентного, у него не было никакого страха перед порошком, считая себя настоящим человеком, он не мог даже допустить мысли, что какой-то препарат сможет сломить его волю. Поэтому, расслабив шею, Коля положил свою голову на диван и стал ждать, ждать новых чувств и ощущений, новых открытий, стал ждать того, как перед ним распахнуться двери блаженства и заберут его из затхлой квартиры, в новые, неизведанные доселе пространства.

Призрачный холод сменился на материнское внутривенное тепло, а ощущения, ощущения были необъяснимы или

просто Коля не смог бы их сформулировать. Он ощущал себя, помещенным напрямую в экзистенцию, воздух в комнате был перенасыщен амброзией, и вся она, была исключительно для него.

– Э... Коля, я эт, поссать схожу, где у тебя можно?

– ...Раковина. – Сказал Коля. – По коридору, первая дверь слева.

– Понял, пошел тогда, откисай.

Встав и подтянув джинсы, Пэпэ ушел из комнаты.

Бурление естества, вот как, можно было бы описать процесс, данный Коле в чувственном опыте. По его крови свободно разгуливало ассорти из разных, и взаимно усиливающих, друг друга, наркотиков. Сердцебиение, от неравномерной подачи плазмы, то ускорялась, то замедлялось. А мозг, его бедный, не подготовленный к инъекциям мозг, не был в состоянии осмыслить происходящее. Его энтропия возрастала, заряды, в общей куче, бесцельно блуждали по синапсам, рождая, тем самым, хаотичные процессы, выполняемые Колей. То рука поднимется, то глаз перестанет пропускать свет, то вспомнится Алена, с которой у него был первый секс, контроль отсутствовал абсолютно.

Но здесь и сейчас, его мозг начал ощущать угрозу для владельца, результатом чего была экстренная эвакуация токсинов из организма.

О, эта, первородная пена, из которой вышли первые организмы, точно такая же симфония химических элементов,

сейчас и вытекала из его глотки. Она выходила через нос, не желая ждать очереди снизу, стекала по губам и подбородку, оставляя липкий след, как улитка на листве. Рот его сейчас напоминал ведьмин котел, происхождение ингредиентов в котором, заставляло только сильнее сомневаться забредших в хижину путников. Слизистая оболочка пыталась облегчить страдания, смягчая попытки глаз посмотреть на то, что довело их до такого состояния.

Собравшись с последними силами, Коля было, пытался повернуться, чтобы эта жижа, все-таки стекала, а не толпилась у входа, однако и тут его ждала неудача. Как бы сильно он не старался. но одними усилиями воли, он не мог заставить нейроны следовать траектории, необходимой для движения туловища.

О том, чтобы позвать на помощь Пэпэ и мысли быть не могло. Казалось, что произнести звук, способный пробежать по коридору, и достигнуть ушей своего друга, было настолько же невероятно, как просто самому встать с дивана, и стряхнуть пену с себя.

Все новые и новые образы проносились в голове у Коли. Как все его религиозные старания, довели его до этого места? Неужели, все что он делал, все эти догматы, которые он так нещадно лелеял, никак его сейчас не спасут? Или может правы были говорящие, о деструкции его веры и на самом деле, он был обманут дьяволом? ...? ..? .?

– Последняя попытка на спасение, была сделана Колей.

Процессы в теле начали останавливаться, почки и печень, не справившись с таким потоком токсинов, пали первыми. Сердце замедлялось, с каждой итерацией, количество ударов в минуту уменьшалось. Один мозг, как дирижер в медленно умирающем от чумы, оркестре, пытался руководить общим ходом симфонии, но и у того были переломаны руки и управление происходило слишком случайно, чтобы в результате не получилась лишь какофония.

Ощувив, что сердце остановилась, а бурлящий поток пены начал заполнять легкие, из последних сил, мозг лишь старался обеспечить телу анестезию, постепенно закрывая глаза и прекращая хрипящее дыхание.

– Эй, Коля, я там типо, реально в раковину спустил, но ты ниче, не волнуйся, я там нормально все протер бумажкой и смыл все. – Обрадованный, своим облегчением и ответственному подходу к раковине, Пэпэ ждал ответа от Коли. – Эй, але, ты заснул?

И тут, Пэпэ заметил пену, заметил, как белые пузыри накрывали собой лицо и грудь Коли, как она заполняла собой диван, и начала проникать на территорию под кроватьных монстров.

– Ээээ, ты че! Не надо! – Пэпэ мгновенно вспотел, выброс адреналина, еще позволит ему некоторое время оставаться в ясном сознании. – Точно! Я ща принесу тазики, нормально все будет, я тебе обещаю.

Принеся с кухни два тазика с иконами, в маринаде из свя-

той воды, Пэпэ положил в один из них ноги Коли, словно собираясь омыть родственника инвалида. Из другого, сложив руки ковшиком, он опрыскивал тело друга этим компотом.

После того, как вода во втором тазике кончилась, а первый смешался с пеной, Пэпэ спокойно выдохнул и сел на пол, прислонившись спиной к дивану и положив правую руку на колено Коли.

– Все, я все сделал! – С собачье радостью сказал Пэпэ. – Сейчас подождем немного и ты снова проснешься, просто немного подожду.